

«Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжёлый шар земной
Не уплывёт под нашими ногами».

М. Цветаева

Кто из нас, не помнит эти слова песни из кинофильма «Ирония судьбы, или С лёгким паром!», написанной на стихи Марины Цветаевой? Мне всегда хотелось узнать, как сложилась судьба автора этих строк. Ответ на этот вопрос я получила уже в Германии, куда моя семья переехала в 1992 году. Прошло несколько лет вживания в культуру новой страны, и вдруг, совершенно случайно, в одном из русских магазинов, нахожу желаемое — две книги на русском языке, и они обе о Марине Цветаевой: сборник её стихов и биография Анны Саакянц «Жизнь Цветаевой». Поэтические строки сразу поразили своей искренностью, задушевностью и романтизмом воззрений.

Главная душа — германская

А через несколько лет узнаю, что во Фрайбурге существует улица Марины Цветаевой. Меня пронзает мысль, почему в нашем городе, находящемся в глубине Шварцвальда, одна из улиц названа её именем? А когда нахожу сообщение, что с 1980 года на здании бывшего пансионата сестёр Бринк на улице Валштрассе, 10 во Фрайбурге прикреплена памятная табличка с именем Марины Цветаевой, я, уже опираясь на текст её стихов, пытаюсь определить другие места пребывания Марины в наших краях.

Из писем и воспоминаний сестёр Цветаевых, Марины и Анастасии, узнаю, что они с матерью жили во Фрайбурге в 1904–1905 годах. А до этого учились в частной школе в Швейцарии, в то время как их мать, Мария Александровна Мейн, находилась там на лечении. Ивану Владимировичу Цветаеву, отцу Марины, основателю «Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете», тоже удалось в тот памятный для Марины год побывать с ними вместе. Впечатления этих лет навсегда закрепились в памяти Марины. Позже она напишет в дневнике: «Во мне много душ. Но главная моя душа — германская. Во мне много рек, но главная моя река — Рейн». И — неслучайно, что именно во Фрайбурге, уже в декабре 2016 года, открылся Центр Марины Цветаевой.

«А не немкой ли была мама Марины по национальности?» — подумала я в тот момент, когда прочитала её фамилию. И вскоре нашла подтверждение этому факту. Оказывается, корни деда и прадеда сестёр Цветаевых по материнской линии уходят в родословную богатых прибалтийских немцев. Далеко я не смогла в неё заглянуть, но теперь знаю, что Даниил Мейн, прадед Марины, был участником Тульского ополчения в войне 1812 года. А дед, Александр Данилович Мейн, был знаком со Львом Толстым и бывал у него дома. Он известен, как издатель «Московских губернских новостей», директор Земельного банка и коллекционер. Заинтересовали меня и сведения о том, что бабушка по линии матери Марины Цветаевой — польская дворянка, Бернацкая Мария Лукинична. Она умерла рано. Это обстоятельство не могло не сказаться на характере дочери Марии, которая получила в доме отца строгое протестантское воспитание. Оно проявлялось в многочисленных запретах и ограничениях. Мария Александровна, мать Марины Цветаевой, позже в строгости воспитывала своих детей. По словам Марины, она унаследовала от матери «Музыку, Романтизм

и Германию. Просто Музыку. Всю себя». В эти слова «всю себя» входят и — трудолюбие, и даже педантизм, свойственные немцам. В автобиографии Марина напишет, что её «... первые языки: немецкий и русский, к семи годам — французский». С юношеских лет Марина писала по несколько часов в день, в каком бы состоянии духа ни находилась. Результат её творческого труда — семнадцать поэм, пятьдесят произведений прозы, восемь пьес, более восьмисот стихотворений и более тысячи писем.

Но вернёмся в 1906 год, трудный для семьи: от туберкулёза умерла мать девочек. Отец остро переживал смерть жены. Занимаясь своим детищем — Музеем, он не мог много внимания уделять детям. В такой обстановке происходило становление Марины в подростковом возрасте. Главными чертами её характера стали независимость и самостоятельность.

Сёстры Цветаевы — Марина (справа) и Анастасия

Лето 1910 года Марина с Анастасией провели в Германии. Отцу поручили в Дрездене закупить картины для музея. Он взял в поездку дочерей, считая, что там они лучше научатся и ведению домашнего хозяйства, и хорошим манерам. К тому времени сёстры уже хорошо говорили на немецком и чувствовали себя как дома в семье пастора Франца Бахмана в городском районе Лошвитц селения «Белый олень». Позже Марина напишет: «Местечко

Лошвиц под Дрезденом, мне шестнадцать лет, в семье пастора — курю, стриженные волосы, пятивершковые каблуки». Она удивляется, что чинная немецкая публика даёт ей возможность быть такой, какая она есть. «Это страна свободы. Утверждаю!» — уверяет она себя и других. Эта поездка оказалась плодотворной в смысле развития её поэтических способностей. Она пишет стихи на русском и на немецком, а затем в тайне от отца публикует свой первый сборник «Вечерний альбом».

Деятнадцатилетней, Марина Цветаева выходит замуж за Сергея Яковлевича Эфрона. Он на год младше Марины. Родился в семье народовольцев Елизаветы Петровны Дурново и Якова Константиновича (Калмановича) Эфрона, еврея по происхождению, отец которого был строительным подрядчиком.

Написанное в огне

Вскоре у молодой семьи родилась дочь Ариадна, а через несколько лет вторая — Ирина, которая растёт слабенькой и болезненной. В стране — голод. Муж в армии. Она ничего не знает о нём. В какой-то период Марина остаётся без средств к существованию. Кто-то советует и помогает поместить Алю и Ирину в Кунцевский приют. Аля там тяжело заболевает. Поняв, что детям в приюте не лучше, Марина забирает старшую дочь домой в надежде, что спасёт её, выходит. Она спасает Ариадне жизнь, но в приюте умирает Ирина.

Всю жизнь ощущает Марина Цветаева чувство вины за этот свой поступок. Нерастраченную любовь переносит на дочь Алю, позже — на родившегося в Праге сына Георгия, которого звала Муром. Результатом стала безумная материнская любовь женщины, которая, однажды потеряв ребёнка, больше не способна на потери. И если такая ситуация, как с дочерью Ириной, возникла бы ещё раз, она готова была её разрешить, но теперь — только ценой своей жизни. Может, это событие и стало предвестником трагедии, случившейся в 1941-м, отнявшей у неё жизнь.

Передо мной сборник писем Марины Цветаевой на немецком языке «Im Feuer geschrieben». Это её биография в письмах 1909–1941 годов. Чем больше читаю, тем глубже погружаюсь в омут её страданий. Не в состоянии больше их выдержать, решаю на время уйти от изучения её жизни и творчества, отодвинуться, чтобы самой не впасть в депрессию.

Примерно в это время у меня состоялся разговор с сорокалетней дочерью. Когда я упомянула имя Марины Цветаевой, она с полуслова поняла моё состояние, и рассказала о том, как восприняла недавно слова проповеди, тема которой была о выборе, который предоставляется каждому человеку. Проповедник раскрывал эту тему на событиях и фактах жизни Марины Цветаевой, а закончил её словами: «И так мы, каждый из нас, ежедневно делаем выбор, право его остаётся за нами». Вы бы слышали мою дочь, когда она говорила о том, что Марина Цветаева для неё — пример в жизни: «Я много вижу общего в наших с Мариной судьбах. А мы, мама? Тоже однажды бросили всё: страну, в которой родились, вы с отцом — служебное положение, уважение коллег, какое-никакое, а нажитое добро — и отправились в Европу, на родину предков. Мне уже тогда было шестнадцать. Я помню это время, когда ты перед отъездом с утра стояла с талонами в очередях, а у нашего двухлетнего Данилки не было молока на завтрак. А как нам было в первые годы в новом обществе? Как нам эта новая жизнь досталось? А твои племянники, Андрей и Иван, ушедшие в небытие? Мы тогда приняли решение, которое и через четверть века проживания на новой родине ещё отдаёт болью». Мне осталось только подтвердить слова дочери кивком головы.

Германия — безумье и любовь

Из писем понимаю, что Марина Цветаева не приняла Октябрьскую революцию 1917 года. В 1919 году она делает запись в дневнике: «Франция для меня проста, Россия — трудна, Германия — подходящее место для моего духа. Это совсем моё, и я совсем его!». И ещё: «Германия — моё безумье! Германия — моя любовь»... «Моя страсть, моя родина, колыбель моей души! Крепость духа, которую принято считать тюрьмой для тел!.. Когда меня спрашивают: кто ваш любимый поэт, я захлёбываюсь, потом сразу выбрасываю десяток германских имён. Мне, чтобы ответить сразу, надо десять ртов, чтобы хором одновременно... Гейне ревнует меня к Платену, Платен к Гёльдерлину, Гёльдерлин к Гёте, только Гёте ни к кому не ревнует: бог!». В одном из писем тридцатых годов, пытаясь объяснить своё прохладное отношение к Толстому и Достоевскому, она обращается к немецким истокам: «И — кажется, последнее будет вернее всего — я в мире люблю не самое глубокое, а самое высокое, потому

русского страдания мне дороже гётевская радость, и русского метания — то уединение...».

Узнав в 1922 году, что муж в Чехии, Цветаева добивается разрешения — выехать к нему. На этот раз она уезжает из России на целых семнадцать лет. С девятилетней дочерью Ариадной появляется сначала в Берлине. Там они проживают в пансионате Элизабет Шмидт на Траутенауштрассе. Сейчас на доме номер 9, в котором он располагался, установлена мемориальная доска, посвящённая Марине Цветаевой.

Читаю письма Марины Цветаевой о жизни в эмиграции. Вхожу в мир её увлечений и разочарований, встреч и расставаний. В 1925 году, за полгода до рождения сына, она уезжает в Париж на литературные чтения и остаётся там. 14 лет жизни во Франции — большой срок. Там ею написаны строки, которые известны многим из нас:

*С фонарём обшарьте / Весь подлунный свет!
Той страны — на карте — / Нет, в пространстве — нет. —
Выпита, как с блюда, / Дonyaшко блестит.
Можно ли вернуться / В дом, который — скрыт?»*

А строки Марины Цветаевой «Той России — нету. / — Как и той меня», я внесла в свой дневник жизни в первый день двадцать первого века. Тогда, в девятый год проживания в Германии, я черпала в её творчестве силу для дальнейшего жизненного пути. И тогда же задумала написать книгу «Жизнь прожить — не поле перейти». Эта моя книга всё ещё пишется жизнью, а книгу о Марине Цветаевой мы пишем сообща нашими делами, являющимися продолжением её мыслей.

В 1938 году на вопрос знакомой, действительно ли она рада будет возвратиться в Россию, Марина Ивановна Цветаева отвечает: «Ах, нет, совсем нет. Вот если бы я могла вернуться в Германию, в детство... В России теперь всё чужое. И враждебное мне. Даже люди. Я всем там чужая». Чужими на своей родине оказались и её дочь Ариадна, и муж Сергей, вернувшиеся на родину раньше её. А Марина Цветаева с сыном, после возвращения в Россию в 1939 году, проживает сначала в Москве, а затем в эвакуации — в Елабуге, маленьком городке в Татарской АССР. Там она и похоронена 31 августа 1941 года на Петропавловском кладбище. Точное расположение могилы неизвестно.

Цветаевские костры

Побудительным мотивом к написанию этого очерка стало для меня сообщение Юлия Зыслина, директора Музея русской культуры и искусства в Вашингтоне. Он поблагодарил меня за написание книги «Не забыть нам песни бардов» и сообщил о Цветаевском костре, которые проводят в Вашингтоне уже четверть века. Так я узнала о традиции — отмечать день рождения Марины Цветаевой на природе, у костра, с гитарой. Она зародилась более тридцати лет назад в Тарусе, небольшом городе на берегу реки Оки. Так воплотились в жизнь слова Марины Цветаевой: «Что другим не нужно, несите мне. Всё должно сгореть на моём огне!» Мне вспоминаются и другие строки Марины Цветаевой о кострах её детства в Тарусе из первой напечатанной книги «Вечерний альбом»:

*Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болота и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи.
Хорошо быть красивыми, быстрыми,
И кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И, как искры, сгореть на ветру.*

Вспомнила и слова Евгения Евтушенко: «Ничто так не объединяет нас, как костёр. У него лицо наших мыслей. Костёр даёт свободу разных раздумий. Когда у костра молчишь, то всё равно разговариваешь с ним глазами, а он разговаривает с тобой потреблением сучьев, искрами, горьким дымом... вы одновременно говорите и слушаете друг друга...».

Наверное, поэтому костры, посвящённые творчеству Марины Цветаевой, горят сегодня не только в России — в Тарусе, в Болшеве (Королёв), и в Елабуге, но и в Америке, в Вашингтоне, а также в Германии — в Шварцвальде, на горе Тюллинген, и в Людвигсбурге, недалеко от Штутгарта. Они зажигаются сегодня не только в Берлине, Дрездене, и в Лейпциге, но и в Украине, в Австралии, в Индии. А сколько ещё Цветаевских костров, о которых мы не знаем, будят души людей разного возраста! Давайте и мы проведём Цветаевские костры, тем самым поможем проложить её творчеству путь в будущее.